

В ТРУДНЫХ условиях чуждо-го помещения Ульяновский драматический театр показал спектакль, который убедительно говорит о том, что коллектив находится в хорошей творческой форме. Его искания обретают все более ясную и увлекательную цель, а требовательность к своему творчеству заметно возрастает.

Речь идет о спектакле, осуществленном главным режиссером театра А. Образцовым на основе драмы Г. Мдивени «Твой дядя Миша». Трудности воплощения этой интересной, яркой пьесы — боевой, пронизанной важной мыслью о преемственности поколений нашего общества, о развитии революционных традиций наших делов и отцов. — оказались по плечу театру, ее сильные стороны при сценическом воплощении укрупнились и выступили на первый план.

Успех спектакля связан в первую очередь с глубоким и ярким воплощением главного образа М. Шарымова.

Старый коммунист Михаил Ермаков — Шарымов не боится и не стесняется слов, которые в обиходе принято называть громкими. Для него они, слова о революции и партии, не громкие, а глубоко личные; за ними стоит вся его жизнь и многолетняя борьба. И то, что не раз по ходу спектакля обращается он через рампу в зрительный зал, не производит впечатления нарочитого авторского, режиссерского или актерского приема. Нет, говоря о времени и о себе, Ермаков стучится, настойчиво и упорно, в сердца зрителей, особенно молодых, заполнявших зал театра. Ему не чужды и патетика, и пафос, и открытая публицистичность. И все это согрето горячим, искренним гражданским чувством актера; проповедь и исповедь слиты в них водно.

Но Ермакову — Шарымову знакома не только публицистичность. Ему свойственны и лиризм, и ирония, и гнев; характер его раскрывается в спектакле разнообразно и многогранно, обладает жизненной достоверностью.

При чтении пьесы естественно возникает вопрос: почему же не откроет дядя Миша своим соседям, Полине Викторовне Барабановой и ее сыну Борису, кем он доводится им на самом деле? Когда смотришь спектакль, ответ на этот вопрос рождается как нечто само собой разумеющееся. Старому мужественному человеку дорога та духовная близость, которая существует у него с этими людьми. Дорого и радостно то, что внук его Борис вырос настоящим человеком, патриотом. Так сложилась судьба, что провал чекист Михаил Ермаков жизнь свою порознь и с любимой женщиной, и с сыном своим — отцом Бориса. Устанавливая сегодня степень своих родственных отношений с Барабановыми значило бы ворошить старое, отжигое, приносить людям боль, обличить ту, которая не была виновной, оправдываться в том, в чем виноват не был...

По две роли играют в спектакле Н. Четвергов и С. Ежков — в каждой являют собой достойных партнерами М. Шарымова.

В образе Михаила Ермакова в молодости Четвергов подчеркивает ту самую страстность души, цельность характера, благородство и честность натуры, что отличают этого человека, ланим рисует его Шарымов, и в зрелые годы. Борис же в исполнении Четвергова горький, искренний, отставив, горяч. Повторения характеров нет. Есть родственность, близость, но каждый дан на свой лад и каждый, встает, несет на себе следы своего времени и своей среды.

Отличны друг от друга и дворник Тимофей и его сын Павел в исполнении Ежкова. И не только по возрасту: Тимофей предстает перед нами в расцвете сил, сын его — стариком. Ненависть к новому миру и его людям, страх перед ними присущи им обоим. Но ненависть и страх Тимофей открывает, обнаженнее, нежели ненависть и страх Павла. Тимофей живет в лихорадочном ритме первых лет революции, жестоко ненавидя таких, как Ермаков. Павел же истеричен и разнервничан, ненависть его глуха, страх притуплен сознанием безнаказанности за давностью преступлений. Да он и ловко научился приспосабливаться к ненавистным ему людям: и молодежи поддает во время, и улыбается собеседнику тепло, и по колену его дружески похлопает. Старческая же походка, суковатая палка, на которую Павел опирается, подслеповатый взгляд и очки в железной оправе придают ему черты беззащитности и жалости...

Сидят они рядом, два старика, два пенсионера, Ермаков — Шарымов и Старик в очках — Ежков, во дворе старого московского дома. И разговор промжг между ними идет мягкий, вроде бы мирный. Только пропалть между ними лежит, и, как и в былые годы, находятся они по разные стороны баррикад. Он и рад бы сойти за частного труженника-пенсионера, Павел Тимофеевич, но только слышит металл в голосе собеседника, чувствует его острый, пронизывающий взгляд и, торопясь уйти, бросает, не повысив голоса, одно короткое, но полное заверкой ненависти и страха слово: «Сапожчик!».

Интересное воплощение центральных образов пьесы подкрепляется в спектакле тщательной разработкой ряда эпизодических ролей. Точек по действию, по оценке событий, по внешнему облику и поведке А. Рудяков, играющий роль юриста Бараба-

должны проявляться главным режиссером при подготовке и выпуске спектакля не только собственными, но и осуществленными очередными режиссерами.

Есть все основания думать, что помощь главного режиссера во время подготовки таких спектаклей, как «Камешли на ладоши» А. Салынского, «Женатый жених» А. Кузнецова и Г. Штайна, не только усилила бы их звучание, но и дала бы возможность очередным режиссерам лучше увидеть и понять свои сильные и слабые стороны, интереснее использовать и раскрыть актерские индивидуальности.

В Ульяновском театре работает немало одаренных авторов самых разных поколений: М. Шарымов, А. Рудяков, С. Ежков, Л. Радина, Н. Сухорукова, Ф. Марцинкевич, В. Серебряков, Г. Муромский, Н. Лежнев, В. Аполлонов, К. Шадыко, О. Никитин и другие. Однако по-настоящему крупных

актерских достижений в спектаклях театра пока еще не так много. Перед руководством театра и в первую очередь перед главным режиссером стоит задача раскрытия многих ярких актерских индивидуальных особенностей, выявления в их дарованиях новых сторон, граней, возможностей.

ЗАЛОГ БУДУЩИХ СВЕРШЕНИЙ

нова, участника контрреволюционного заговора. Нашла метку характерной для Ленин, невесты Бориса, К. Шадыко. В острой комедийной манере решена роль корреспондента Горчиичкина Г. Гилодом. Заслуживают добрых слов и многие другие создатели спектакля, и среди них —

Дядя Миша — М. Шарымов. Фото И. Кубарева.

художник Я. Владимиров, отыскавшая для передачи черт старой и новой Москвы лаконичные и выразительные детали.

МНЕ ДОВЕЛОСЬ видеть в последние годы ряд спектаклей Ульяновского театра, в том числе и осуществленные А. Образцовым: «Третья, патетическая» Н. Погодина, «Овелю» В. Шекспира, «Гроза на рассвете» Е. Зильбермана и В. Холягина, «Куда идешь, Иртыш?» И. Назарова. Были среди них постановки интересные, отличающиеся своеобразием и точностью режиссерского замысла. Но, как правило, в каждой имелась та или иные просчеты, которые заметно снижали общий художественный уровень. И, что особенно досадно, наиболее удачным местом спектаклей о В. И. Ленине «Третья, патетическая» и «Гроза на рассвете» были массовые сцены.

Постановка пьесы Г. Мдивени выгодно отличается от предшествующих работ театра. Здесь все продумано, взвешено режиссером и художником, убедительно выражено сценически.

И не только от постановок предшествующих сезонов отличается спектакль «Твой дядя Миша», но и от спектаклей сезона нынешнего. Естественно ждать, что высокая художественная зыскательность, нетерпимость к решениям не только явно неверным, но и приближенным, поверхностным, неточным, чувством ответственности за каждую подробность постановки

НЕ МЕНЕЕ, разумеется, важен и вопрос формирования репертуара. Ульяновский театр чужд при выборе пьес какой бы то ни было узости и предвзятости. Он ставит произведения самых разных авторов, лишь были бы они интересны, талантливы, пронизаны пафосом жизнеутверждения. Правда, порой и допускал при выборе пьес отдельные отжки. Но есть у театра свои, особенно дорогие, близкая ему тема — ленинская. Определил свою афишу, коллектив не забывает о том, что работает в городе, где родился В. И. Ленин. Лишь в одном из последних шести сезонов не был осуществлен новый спектакль о Ленине или о семье Ульяновых. Здесь прошли «Кремлевские курьезы» и «Третья, патетическая» Н. Погодина, «Именем революции» М. Штатрова Ульяновцы дали сценическую жизнь пьесам местного писателя В. Дедюхина «Нет прекрасней назначенья...» и лавкинского литератора Е. Зильбермана и В. Холягина «Гроза на рассвете». Видимо, понимая художественное несовершенство двух последних произведений, театр долго и упорно работает с лубяшевским литератором В. Изгаршевым над его пьесой «Жигулевские зори».

Думаю, что успех М. Шарымова в роли Михаила Ермакова во многом обусловлен предшествующей работой актера на сцене Ульяновского театра. В «Кремлевских курьезах», «Третья, патетическая» и «Именем революции» он воплотил образ В. И. Ленина. В спектакле «Нет прекрасней назначенья...» — образ Ильи Николаевича Ульянова. В «Грозе на рассвете» — образ ближайшего школьного наставника Володи Ульянова, учителя Успенского.

Лишь в силу того заговорил я о репертуаре Ульяновского театра, о воплощении ленинской темы в завершающей части статьи, что именно с этой темой и связано более всего определение дальнейших творческих путей и творческого лица коллектива. Требовательность, проявленная главным режиссером при постановке пьесы «Твой дядя Миша», призвана стать законом всей творческой жизни театра и особенно при воплощении ленинской темы. Театр города Ильича, столетия со дня рождения которого скоро будет отмечать весь мир, не может не стать театром отличным, по-настоящему и идейно, и художественно образцовым. Появление такого спектакля, как «Мой дядя Миша», хочется рассматривать как первую ласточку будущих свершений коллектива, залог его значительных потенциальных творческих возможностей.

Юр. ЗУБКОВ.